

К. Н. ЛЕОНТЬЕВ О НАЦИОНАЛЬНОЙ ПОЛИТИКЕ

В статье впервые в отечественной историографии дается развернутая характеристика взглядов К. Н. Леонтьева на национальный вопрос. Отмечается, что рефлексия этой темы проводилась мыслителем посредством применения цивилизационного подхода, обращения к традиционной русской духовности и соборности мироощущения. Для Леонтьева национальная политика настолько позитивна, насколько рассматривается в контексте религии, культуры и государственности, и, наоборот, противоестественно всякого рода заикливание на идее крови, рассматриваемой вне идеалов русской или любой другой цивилизации.

В 1862–1875 гг. Леонтьев сделал судьбоносное открытие о том, что мир состоит из ряда цивилизаций, которые представляют собой ограниченные во времени исторические образования. Каждая из них проходит через три стадии развития: первичной простоты, цветущей сложности и вторичного смесительного упрощения [1, с. 129] – и состоит из трех основных составляющих: религии, культуры и государственности [1, с. 473, 474]. Исходя из этого, можно выделить характерные черты леонтьевского мировидения: во-первых, с его точки зрения, для долгого и плодотворного бытия любой цивилизации необходимо внимание ко всем ее составляющим (следствием чего было негативное отношение мыслителя к абсолютизации каких бы то ни было оторванных от контекста явлений или идеалов, будь то человеческая свобода, экономика или этническое происхождение); во-вторых, актуальность, позитивность (или негативность) всякого явления различна в разные периоды существования цивилизации (поэтому «до дня цветения лучше быть парусом или паровым котлом; после этого невозвратного дня достойнее быть якорем или тормозом для народов, стремящихся вниз под крутую гору» [1, с. 134]).

В своих работах Леонтьев посвятил много времени как анализу подчиненных по отношению к цивилизации понятий «религия», «культура» и «государственность», так и совокупному рассмотрению статуса жителей каждой конкретной цивилизации. Именно здесь он выходил на изучение национального вопроса. На первый взгляд, как отмечал Константин Николаевич, дать определение нации очень просто: если знаешь географию и этнографию, филологию и национальную физиогномику, то понимаешь, что такое нация [1, с. 601]. Но при более пристальном рассмотрении приходит понимание, что в действительности дать определение нации очень трудно. Для этого нужно сначала понять, что такое племя. Оно представляет собой совокупность физиологических признаков, в первую очередь языка и крови [1, с. 657]. Но разве кто-нибудь имеет право свести понятие нации к вопросам языка (пусть даже столь великого и могучего, как русский) и крови (даже столь многочисленной, как китайская (ханьская))? Конечно, нет.

Пытаясь подойти к этому вопросу с другой (идеальной) стороны, мыслитель задавался вопросом: разве носители государственной основы цивилизации наряду с носителями религиозности и культуры не составляют нацию, ведь они представляют все три составляющих цивилизации? Думается, такой «арифметический» подход так же далек от понятия «нация», как и лингвистический.

тический или «гематологический». Нация не есть явление чисто физиологическое, но, тем не менее, она состоит из «носителей», т.е. живых людей, а стало быть нация является совокупностью идеального и материального.

В связи с этим Леонтьев представлял нацию графически, как площадь пересечения двух кругов: на одном написано «цивилизация» (т.е. совокупность религиозных, культурных и государственных отличий), а на другом – «племя» (т.е. совокупность природно-физиологических и лингвистических отличий). Чем более гармонично выглядит пересечение кругов племени и цивилизованности, тем более плодотворна нация. С одной стороны, перетягивая жизнь в сторону более идеальную, мы усиливаем в нации цивилизованный слой (хотя при этом не нужно забывать, что человеку нельзя полностью оторваться от своего тела, это уже было бы иллюзией в духе манихейства). С другой стороны, перетягивая жизнь в сторону «этно-природную, почти чисто-физиологическую», мы содействуем разрушению нации, превращению людей в животных, всеобщей ассимиляции [1, с. 608, 609].

В основе нации лежит идея, которую Константин Николаевич называл «национальностью», подразумевая идеальное наполнение совокупности носителей религиозной, культурной и государственной составляющих, т.е. то, что их объединяет, несмотря на разность служения. Но так как история существует только относительно времени, Леонтьев разделял настоящую идею нации и идею будущего как реальную и идеальную. Национальность, как писал он, это «какой-то идос... той нации, которую мы только что воображали себе во плоти». Когда речь идет о русской, европейской или китайской национальности, то вспоминаются такие общие качества или признаки, которые свойственны большинству людей, составляющих эту нацию, и совокупностью которых она отличается от других. Отсюда, чем эти признаки отчетливее, выразительнее, тем больше в нации национальности, т.е. совокупности уже приобретенных историческим развитием признаков. Национальность – это «отвлечение от нации; ее мысленная тень, ее отражение в нашем уме» [1, с. 601, 602].

Вместе с тем, существует и идеал будущего нации, т.е., по Леонтьеву, «национальный идеал» как совокупность еще не приобретенных национальных признаков, «представление той же нации в будущем». Национальный идеал – это «представление разных граждан об идосе будущей реальной нации». Неразличение национальности и национального идеала очень часто приводит к разногласиям о том, что представляет собой та или иная нация. Дело в том, что один из спорщиков в таком случае говорит о нации современной, другой же о той, которую он хотел бы видеть, и выдает желаемое за действительное.

Таким образом, Леонтьев различал идею цивилизации и «тело» этой идеи как сумму сделавшихся доступными восприятию пространственных и осязаемых ее выражений, уже осуществленных на практике. К этим выражениям относятся религия, искусства и науки, государственность, народы и города, экономические и общественные формы, языки, право, обычаи, характеры, черты лица и одежда, т.е. различные проявления составляющих цивилизации.

Движение же от национальности к национальному идеалу происходит за счет действий, осуществляемых нацией. Это движение есть проявление в людях «национального начала» как начала, действующего во имя идеи. Это проявление есть «национализм» [1, с. 602]. Необходимо выявить еще один

аспект: то различие настоящей, имеющейся на современном этапе национальности и будущего национального идеала, переход между которыми осуществляется посредством национализма, носит совершенно разный характер в зависимости от периода развития, в котором находятся нация и цивилизация. Если при зарождении, становлении цивилизации обретение национального идеала только впереди, то с обретением его было бы сущим самообманом некое «прогрессивное» мировоззрение нации, желающей улучшить свой национальный идеал. Нет, добытое в расцвете – вот то, что должно быть охраняемо во времена после расцвета, и этот идеал по праву можно именовать национальной идеей (русской идеей, европейской идеей, китайской идеей). Стало быть, прогрессивный настрой вначале и деятельное охранение все последующее время – задача национализма согласно Леонтьеву.

Далее, как писал мыслитель, исходя из того, что нация есть гармония между племенем и цивилизованностью, можно говорить о том, что национальная политика «должна и за пределами своего государства поддерживать не голое, так сказать, племя, а те духовные начала, которые связаны с историей племени, с его силой и славой». Она благоприятствует сохранению и укреплению стародавних культурных особенностей данной нации и даже возникновению новых отличительных признаков, и только такая политика и заслуживает названия истинно национальной [1, с.170]. Такая политика в межгосударственных и межцивилизационных отношениях есть внешняя сторона национализма. Нация представляет всю цивилизацию, а последняя имеет три составляющих. Поэтому не только политику чисто племенную, но и политику, абстрагирующую какую-либо одну составляющую, нельзя назвать национальной. Псевдонациональна, неполноценна не только просто государственная политика (цель – крепкое, богатое социальное государство) или политика, направленная лишь на развитие культурной самобытности, но даже и чисто религиозная или теократическая политика [1, с. 604, 605, 608].

Вообще, Леонтьев был убежден в том, что «национальное» бывает троякого рода: по происхождению, по усвоению и по пригодности. По определению «пригодно-национальна» сама цивилизация: нельзя передать свою цивилизацию кому-либо. Отдельные черты цивилизации могут быть «усвоенно-национальны». Это то, что называется культурным обменом и преемственностью. Так русская цивилизация усвоила византийское наследие. Наконец, национальное по происхождению – наиболее обширная категория [1, с. 667]. Именно благодаря ей русские пьют турецкий кофе, а японцы слушают Чайковского.

Как уже было сказано, для племени важна территория – земля исторического проживания, а «дух дышит, где хочет, и голос его слышишь, а не знаешь, откуда приходит и куда уходит» (Ин., 3, 8). Но так как нация есть совокупность того и другого, то родина – это идеальное представление, связанное с определенной территорией, а патриотизм – отношение человека к своей родине. Естественно, что как космополитизм (атрофия чувства земли у бывшего представителя нации), так и гиперболизация вопросов «крови и почвы» (атрофия чувства идеального) есть искажения патриотизма (с уклоном только в разные стороны) и надругательство над родиной. «Что может быть лучше и благороднее патриотизма, и можно ли запретить человеку сочувствовать каким-либо успехам народа, из которого он вышел, любить свое отечество?» –

писал Леонтьев [1, с. 65]. Всякая цивилизация, как отмечал О. Шпенглер, «имеет свойственное ей понятие родины и отечества, трудно улавливаемое, трудно выражаемое словами, полное темных метафизических взаимоотношений, но, тем не менее, отмеченное вполне определенной тенденцией» [2]. Патриотизм по отношению к родине есть совокупность не только чувств, но и деяний – от любви к своей церкви, своей культуре, своей стране, до защиты своих идеалов, своей земли, своего имущества и представителей своего народа.

Напротив, важнейшим искажением традиции, характеризующим не только период распада европейской цивилизации, но и третий период любой цивилизации вообще, является племенизм¹ [3], низвергший идею нации до уровня вопросов крови и почвы. Леонтьев писал: «Что такое племя без системы своих религиозных и государственных идей? За что его любить? За кровь?» И что такое опора на идеал «чистой крови»? Духовное бесплодие: «любить племя за племя – натяжка и ложь» [1, с.108].

Не только идеологическая, но и терминологическая путаница стоит за явлением племенизма. Поэтому Леонтьев всячески уточнял национальную терминологию. Так, читая работы В. С. Соловьева, Леонтьев постоянно недоумевал по поводу либерального искажения национального вопроса даже в сознании столь значительного ума. В частности, он обратил внимание на следующие слова Владимира Сергеевича: «Что же... христианство упраздняет национальность? Нет, но сохраняет ее. Упраздняется не национальность, а национализм». Леонтьев в этих двух предложениях увидел множество неясностей, вытекающих из неразличения положительного (традиционного) национализма и отрицательного национализма – племенизма [4].

Явление племенизма многогранно, поэтому необходимо обозначить основные его разновидности. Сам по себе племенизм, по мнению Леонтьева, является парой к таким видам нетрадиционной реакции уставшей цивилизации на собственный надлом, как либеральная демократия и социализм. Другими словами, либеральное происхождение племенизма не вызывает сомнений. Он есть одновременно реакция на либеральное уравнивание наций и логичное развитие принципа свободы всего и вся: индивидуума, полов, наций, – ибо национальное начало, взятое «вне религии, есть не что иное, как все те же идеи 1789 года... идеи, надевшие лишь маску мнимой национальности» [1, с. 170]. Кровавая сущность племенизма не смущала его в этом понимании, ибо границы между моим «я» и «я» моего соседа в либерализме просто не существует, а стало быть, любые средства для моего «освобождения», как бы они ни были плачевны для соседа, для меня априорно хороши.

Поведение нации в условиях племенизма зависит от того, в каком государственном состоянии она находится: объединенном или раздробленном. Объединенная нация в этом случае пытается проявить себя, раздробившись на отдельные области (сепаратизм; например, в России так произошло с малороссийской частью русской нации, а в Испании – с басками), а раздробленная, напротив, пытается провести скорейшее слияние по признаку крови (так называемый принцип «национальных государств»; в Европе такая судьба постигла немцев и итальянцев).

¹ Термин введен нами на основе леонтьевской «племенной политики» и включает в себя нетрадиционные антинациональные движения в духе «крови и почвы», такие как нацизм, фашизм, расизм, русофобия и т.п.

В свою очередь, если племенизм есть положение нации по отношению к самой себе, то вслед за этнической гордыней возникает и закономерное следствие – этническое презрение к другим. Такая сторона племенизма есть расизм.

Нельзя не отметить, что, по мнению Леонтьева, племенизм, помимо прочего, обусловлен непониманием двух вещей. В современном мире считаются априорными истинами два тезиса: негативность политической зависимости народа и, наоборот, необходимость «национального самоопределения». Но это не так, что, собственно говоря, еще раз подтверждает либеральное происхождение нацизма, т.к. речь здесь ведется о положительной и безграничной свободе и сугубо отрицательной дисциплине.

Данилевский говорил о политической зависимости как о «историческом воспитании народа», об аскезе, заключающейся «в различных формах зависимости, которую выдерживает народ, предназначенный для истинно исторической деятельности». Великое психологическое значение этого явления заключается в том, что зависимость приучает народ подчинять свою волю какой-либо другой (пусть даже несправедливой), что полезно как умение подчиняться той воле, которая стремится к общему национальному благу. Понятия «расцвет» и «нация» всегда связаны с дисциплиной (сословной, налоговой, военной, служебной и т.д.), т.е. с тем формообразованием, без которого не сможет развиваться и содержание. Но раз искусство дисциплины дается народу временной зависимостью, то это, согласно яркому сравнению Николая Яковлевича, странствование по пустыне, посредством которого народ ведется из состояния простоты в обетованную землю цветущей сложности, и называется «историческим воспитанием народа» [5, с. 228, 229]. Нужно понимать, что привитие временными покорителями умения повиноваться не означает привитие ценностей покорителя. Завоевателя в первую очередь интересует расширение территории, и потому угасание народа в результате завоевания есть признак исторической судьбы, слабости народа, несвоевременного покорения, а никак не всецелая вина завоевателя. Леонтьев писал, что есть общее правило, согласно которому «воспитание людей какой-нибудь нации учителями другой более старой и более ученой нации никак не влечет за собою неизбежно подчинение интересов этой младшей и новейшей нации интересам ее воспитательницы» [1, с. 85]. Таким образом, в свете цивилизационной историософии временная зависимость молодой нации может нести и положительный эффект. Он проявляется в том, что скопленная за века зависимости потенция бурно проявляет себя во время объединения нации (как это и имело место в истории России, освободившейся от татаро-монгольского ига) или только некоторых ее областей (как это было в Элладе и Европе).

Чтобы понять, в каком случае зависимость полезна, а в каком нет, нужно вспомнить о трехстадиальности исторического развития. Значение политической независимости различается в зависимости от периода, в котором находится цивилизация. Плоды завоевания зависят от того, «в какой возраст нации и при каких обстоятельствах подпадает она под чужое иго» [1, с. 661]. Здесь не ставится под сомнение необходимость государства как признака цивилизации: государство как «тело», форма цивилизации – необходимый атрибут самобытного исторического типа. Как писал Данилевский, не существует ни одной цивилизации, которая бы зародилась и развилась без политической самостоятельности. Это закон исторического развития: «дабы цивилизация, свойственная самобытному культурно-историческому типу, могла за-

родиться и развиваться, необходимо, чтобы народы, к нему принадлежащие, пользовались политической независимостью» [5, с. 95]. Леонтьевым ставилась под сомнение лишь необходимость государственного суверенитета во все периоды развития.

Если народ завоеван «слишком поздно», т.е. в третьем периоде, когда национальная идея его уже износилась, то он иногда сохраняет свои особенности и под игом («достигнув уже известной силы, цивилизация может еще несколько времени продолжаться и после потери самостоятельности» [5, с. 96]), но уже никогда достойно не выступит на театре истории.

Если народ завоеван «вовремя», т.е. как можно ближе ко второму периоду, «когда особенности его уже окрепли, но еще не износились», он «и под игом будет обнаруживать очень долго признаки культурной жизни своей и, даже сбросив иго, разовьет свои национальные дары с небывалой дотоле силой». Нередко развивал эту мысль Данилевского Константин Николаевич, говоря, что «под временным игом происходит та благотворная приготовительная работа национальных сил, которая приводит позднее эти силы к самому пышному расцвету». Это стимул страдания: в тяжелых условиях зависимости «под влиянием общей скорби укрепляется в такой (вовремя поработанной) нации то внутреннее единение умов и сердец, которое позднее, после свержения ига, после изгнания иноземцев (или иноверцев), способствует установлению и внешнего государственного единства». Происходит единение нации, вдохновение народной поэзии: «эти стоны печали или восхваления борьбы не только оставляют неизгладимый след на всей позднейшей национальной литературе, но и сами по себе служат ее украшением» [1, с. 661]. Конечно же, пример зависимости цивилизации, которая находилась на полпути к эпохе расцвета, это Россия.

И, наконец, как писал Данилевский, если народ завоеван «в раннем возрасте развития, то, очевидно, что самобытность... должна погибнуть» [5, с. 97]. Леонтьев, в свою очередь, полагал, что «народ, подчиненный завоевателю слишком рано, не дорастает до национально-культурного состояния, не успевает выразить в истории свои национальные особенности» [1, с. 661]. И такой народ чаще всего остается лишь «этнографической примесью» истории: возможно, он создаст прекрасную культуру, но никогда не будет цивилизацией.

При рассмотрении явления национального объединения обнаруживается актуальность такого историсофского понятия, как «синхронизм». Дело в том, что Леонтьев был далек от отрицания положительной национальной эмансипации (например, Россия в свое время также прошла через это). Но в том-то и дело, что слияние разрозненных областей какой-либо цивилизации в одно государство бывает вызвано различными причинами в разные периоды развития и несет за собой различные последствия. Таким образом, объединение России в XV–XVI вв. и централизация Китая периода «сражающихся царств» под жесткой рукой Цинь Ши-Хуанди – это полусное явление по отношению к современному объединению Европы. Разница в том, что два первых объединения – признаки национального роста на подходе к периоду цветущей сложности, а последнее – признаки вторичного смесительного упрощения. Леонтьев писал, что «в те времена, когда освобождающиеся от чуждой власти народы были руководимы вождями, еще не пережившими «веаний» XVIII века, эмансипация наций не только не влекла за собой ослабления влияния духовенства и самой религии, но имела даже противоположное дей-

ствие: она усиливала и то, и другое». Потребности «русской племенной эмансипации» во времена великих князей XIV–XV вв. сочетались с правами веры, тем, что Владимир Соловьев назвал «Боговластием»; и освобождение русской нации от татарского ига, и последующее объединение не повлекло за собою ни религиозного индифферентизма высших классов, ни общего космополитизма. В XIX в., напротив, на первый план выходят «права человека, права народной толпы, права народовластия», и это, конечно, большая разница [1, с. 654, 655].

Оформление новой государственности позитивно только в первые два периода развития: как верно то, что полезное для одной цивилизации может вызвать взрывы в другой, так верно и то, что явление, положительное для одного периода, пагубно для другого. Здесь Леонтьев еще раз подчеркивал, что он выступает не против объединений как таковых, а «противу политики племенных объединений [которая] есть не что иное, как приложение всё той же общей теории предсмертного смешения к особому лишь частному случаю» [1, с. 607]. Первые два периода развития объединения (и изгнания завоевателей) несли положительный заряд, т.к. народный дух был движим высокими принципами, а «национализм имел в виду не столько сам себя, сколько интересы религии, аристократии, монархии». Поэтому нации становились разнообразнее и самобытнее. Теперь же, когда народы стали искать освобождения во имя единства и свободы самого племени, и результат везде получается однородный. Как удачно выразился Леонтьев, «национализм политический, государственный становится в наше время губителем национализма культурного, бытового» [1, с. 538]. Это происходит оттого, что «условия нынешней одновременности в высшей степени неблагоприятны для подобной обособляющей, национальной реакции».

Это просто понять на примере двух людей, в разное время выпущенных из узилища. Оба свободны, но ведь большая разница, в какое время их выпустили: в здоровое время или во время ужасной эпидемии. Во время эпидемии человек, «вероятно, в затворе своем был бы целее», а значит, племенизм противен национальной самобытности, потому что влияние «всеобщих космополитических вкусов слишком сильно» и «эпидемия еще не окончилась» [1, с. 652].

Показательными здесь являются события, приведшие к созданию объединенной Германии и единой Италии. Русские основатели цивилизационного подхода предвидели нацизм и фашизм за полвека до их появления на почве, взрыхленной «национальными» движениями. Данилевский еще в середине XIX в. писал, что рост числа немцев, которые «только от единой спасительной германской цивилизации чают спасения мира», – весьма опасный симптом [5, с. 57]. Леонтьев, наблюдая за *kulturcumprf* в Германии, говорил, что борьба эта «несправедливо была названа «культурной», ибо на стороне [папского] Рима есть своя культура, а на стороне либерализма, кроме медленного и пошлого разрушения, нет еще пока ничего». Он писал: «Неудобства и зло, вносимые католицизмом в жизнь Германии при старых порядках, не помешали германским народам прожить государственно более 1000 лет (считая, например, от Карла Великого)... подарить человечеству столько великих творений по всем отраслям мысли». Освобождение Германии – еще не залог бурного развития [1, с. 237]. Дело здесь в том, что все государства средней и южной Германии, за исключением католической Баварии, политически уже

умерли. На высоте оказалась только Пруссия, имеющая набожного и всевластного короля, плохую конституцию (т.е. дававшую «возможность власти делать дело»), привилегированное и воинственное юнкерство. В такой ситуации объединения единственного самобытного частного Пруссии с другими уже несамобытными частными получилось регрессивное общее, уничтожившее влияние прусской аристократии и католической церкви. В итоге «аристократическая и поэтическая Пруссия безумно расплывается в либеральной, растерзанной, рыхлой и неверующей все-Германии; она забывает, что если раздробление было иногда вредно единству порядка, то за то же оно было и несподручно для единства анархии» [1, с. 141, 143]. Леонтьев увидел в торжествующей и почти объединившейся Германии немедленно начавшееся «глубокое социальное брожение» [1, с. 175]: как только к власти стали допускать по этническому признаку, усилился атеизм и анархические наклонности людей, т.е. объединение подвело нацию к внутреннему отторжению традиции. Тот факт, что национально-государственное дело в Германии стало «чисто племенным, вне религии стоящим», очень насторожил Константина Николаевича. И здесь он дал четкий прогноз: чем быстрее Германия присоединит австрийских немцев, тем это «дело» станет еще более «безосновным в религиозном отношении, тем сильнее выразится чисто племенной характер германского национального единства». Высказывание Вильгельма II о том, что «необходимо поддерживать в солдатах религиозное чувство, но при этом обращать внимание не на различие догматов, а на нравственную сторону дела», было недвусмысленно истолковано Леонтьевым как признак новых кровавых событий. Сначала происходит внутренний переворот сознания, и лишь потом следуют революции и захваты, а отделение морали от религии (характерное для этого высказывания императора) всегда было знаком приближающейся угрозы. «Куда это ведет? – размышлял Леонтьев. – Ведь и Робеспьер заботился о Верховном Существом и о чистой этике... наши желябовы внимали голосу собственной совести» [1, с. 606].

Константин Леонтьев буквально взывает к нам сквозь столетия: Россия не выживет только лишь как оплот духовности или как средоточие великой культуры либо сильной государственности; необходимо совокупное, гармоничное развитие всех составляющих русской цивилизации, максимально абстрагированное от разрушительной абсолютизации идеалов свободы, «социального государства» и «чистой крови».

Список литературы

1. **Леонтьев, К. Н.** Восток, Россия и славянство: Философская и политическая публицистика. Духовная проза (1872–1891) / К. Н. Леонтьев, общ. ред., сост. и коммент. Г. Б. Кремнева; вступит. ст. и коммент. В. И. Косика. – М., 1996.
2. **Шпенглер, О.** Закат Европы. Очерки морфологии мировой истории. Т. 1. Образ и действительность / О. Шпенглер; пер. с нем. Н. Ф. Гарелина; вступ. ст. А. П. Дубнова; коммент. Ю. П. Бубенкова и А. П. Дубнова. – Новосибирск, 1993. – С. 438.
3. **Емельянов-Лукьянчиков, М. А.** Концепция «племенизма» К. Н. Леонтьева в цивилизационной историософии XIX–XX веков / М. А. Емельянов-Лукьянчиков // Вопросы истории. – 2004. – № 9.
4. **Соловьев, В.** Великий спор и христианская политика / В. Соловьев // РГАЛИ. Ф. 2980. Оп. 1. Д. 1256. Л. 14.
5. **Данилевский, Н. Я.** Россия и Европа / Н. Я. Данилевский. – М., 2003. – С. 95.